

Ф. Н. ГЛИНКА И ЛИТЕРАТУРНАЯ «ПОЛЕМИКА О ЯЗЫКЕ» НАЧАЛА XIX ВЕКА

Знаменитая «полемика о языке» между шишковистами и карамзинистами, одно из ключевых событий литературной жизни XIX века, уже не раз была предметом специального внимания исследователей. В разное время о ней писали Ю. Н. Тынянов, В. А. Десницкий, Е. Н. Купреянова, М. Г. Альтшулер [1].

Самый живой интерес вызвала эта полемика и у Ф. Н. Глинки, одного из наиболее ярких представителей раннего декабризма. Между тем в этом контексте его творчество практически не рассматривалось.

Напомним, что начало полемике положили статьи Н. М. Карамзина «О любви к Отечеству и народной гордости», «Отчего в России мало авторских талантов» и А. С. Шишкова «Рассуждение о старом и новом слоге российского языка», опубликованные почти одновременно в 1802–1803 гг.

Суть обозначенной в этих статьях проблемы заключалась в стремлении обоих авторов преодолеть сложившееся на почве петровских реформ двуязычие интеллектуальных кругов русского общества и тем самым найти путь к созданию единого литературного языка. Однако вектор этих поисков был различным. Н. М. Карамзин ориентировался на разговорный язык дворянского салона («слушать вокруг себя разговоры, чтобы совершеннее узнать язык»). А. С. Шишков сохранял верность ломоносовской теории «трех штилей» и ратовал за сохранение в литературе высокого словянизированного слога [2].

Разумеется и то, и другое было крайностью.

Стремление Н. М. Карамзина и его сторонников приспособить родной язык к запросам и нуждам сегодняшнего дня и придать ему утонченность французского (в конце XVIII – начале XIX вв. ставшего языком международного общения) на практике не раз оборачивалось манерностью, вычурностью стиля, вело к гиперболизированной перифрастичности.

Стремление А. С. Шишкова и его единомышленников замкнуться в национальной традиции, сохранить язык в неприкосновенности тормозило развитие литературы, и шире – всей культуры.

Ф. Н. Глинка активного участия в полемике не принимал, но об идущих спорах, безусловно, знал и внимательно за ними следил. Доказательством чего могут служить и его творческая практика, и его теоретические высказывания.

В области поэзии ему, несомненно, импонировала восходящая еще к ломоносовско-державинской традиции установка «старших архаистов» (Тынянов) и на «высокий слог» и на ораторско-декламационный стиль [3]. Дань этой традиции писатель отдал и в своей ранней лирике («Глас патриота»: 1807) и в своей поэзии 20-х гг. («Подарок русскому солдату»: 1818; «Опыты священной поэзии»: 1826). Ср.:

Твои глашу я чудеса!
Их исповедую, мой Вышний!
Тебе молитвы сырых слышны,
Несчастливым близки небеса!
Ты идешь к нам, Бог дивной славы,
И небо радостью кипит;
Но очи грешных и лукавых
Твой взор, как молния, палит!

(«Созерцатели», 1825) [4]

Но в области прозы он вполне ощущал себя последовательным учеником Н. М. Карамзина, органически воспринявшим и идеи европейского Просвещения и эстетику их воплощения. Об этом красноречиво свидетельствуют жанр и содержание его литературного дебюта (по аналогии с карамзинскими «Письмами русского путешественника» – «Письма русского офицера»).

Правда, искусственность сентименталистской стилистики Ф. Н. Глинка, по-видимому, ощущал уже в ранние годы творчества. Не случайно в предисловии к первому изданию своих очерков (1808) он заявлял о желании писать просто, без вычурности: «что касается до слога, то я не старался... сделать его витиеватым и кудреватым...» [5].

Но о естественных правах человека, о свободе и тирании, о добродетелях и пороках, о нищете и богатстве он и первом, и во втором издании «Писем русского офицера» (1815–1816) размышляет, пользуясь все же цветистыми перифразами «нового слога» Н. М. Карамзина и его последователей. Например: «Деньги! Деньги! Сии звенящие наличные добродетели (выделено Глинкой. – Н. Ж.), – вот волшебный талисман, с которым исходишь весь свет вдоль и поперек, а ум, добрые качества и дарования похожи на ассигнации, имеющие условную, и то часто непостоянную, цену...».

Или: «Корысть! Идол боготворимый, блеск твой ослепляет глаза и туманит умы смертных. Они раболепно влекут тебе на жертву все то, что природа дает им драгоценнейшего [6]. Как справедливо пишет по этому поводу А. В. Архипова, такая стилистика была обусловлена нормативностью самой сентименталистской эстетики, согласно которой о высоких предметах — патриотизме, нравственности, политике, подвигах или добродетели — следовало писать ярким, образным, «цветистым» слогом [7].

Метафора, перифраз, каламбур, игра словом, так любимые приверженцами Н. М. Карамзина, особенно арзамасцами, останутся до конца в стилистической палитре Ф. Н. Глинки. В этом нетрудно убедиться, обратившись и к его более поздним произведениям, и особенно, — к его эпистолярной прозе. Ср., например, в «Очерках Бородинского сражения» (1839): «Сотни...несчастливцев, отстояв на берегах Стонца, пошли сетовать и умирать на берега Сетуни». Там же: «метель картечи», «сугробы мертвых и умирающих» [8]. Или: «с ума сойти можно, а с сердца никогда» (Письмо к В. В. Измайлову, от 10.01.1827); «Итак, вы осемьянились! Да почит благословение Божие над Вами и семейством Вашим!» (Письмо к А. С. Пушкину от 28.11.1831); «Но хлопоты — эти комары и мошки действительной жизни — отбивают от поэзии!» (Письмо к П. А. Плетневу от 4.12.1839); «Ваш «Современник» побранился с современною литературною мелочностью!» (Письмо к П. А. Плетневу от 9.06.1843), и т. д. [9].

Аналогичным образом проза самого Н. М. Карамзина для Ф. Н. Глинки навсегда сохранила обаяние непревзойденного образца. Примечательно его признание в одном из писем к В. В. Измайлову: «... что бы ни толковали новейшие критики, но первая проза незабвенного Николая Михайловича Карамзина ... всегда будет памятна и любезна для людей чувствительных, как нечто прелестное, обворожительное» [10].

Однако в контексте драматических событий 1805–1807 гг. и Отечественной войны с Наполеоном, в контексте русских поражений и побед идеи А. С. Шишкова о «высоком слоге», о национально-самобытных источниках этого слога и всей литературы приобретали для Ф. Н. Глинки все большую актуальность и привлекательность. В его сознании они утверждали образ России как великой державы во всех областях жизни — военной, государственной, культурной, исторической, нравственной.

Свою первую попытку высказаться по вопросам языка Ф. Н. Глинка предпринял только в 1811 году, когда в журнале «Русский вестник» опубликовал статью под названием «Замечания о

языке Словенском и о Русском, или о светском наречии», в которой поддержал мысли А. С. Шишкова о «высоком слоге». Однако программные выступления писателя появятся только в 1815–1817 гг., когда в противовес шишковистской «Беседе» будет создан карамзинистский «Арзамас», а «полемика о языке» достигнет своего пика.

Именно в эти годы Ф. Н. Глинка осуществит второе издание своих «Писем русского офицера», а на страницах журнала «Сын Отечества» появятся две его программных статьи - «О необходимости иметь историю Отечественной войны 1812 года» и «Письмо к генералу Н. Н. о переводе воинских выражений на русский язык». Еще через год он включит эту своеобразную эстетическую диалогию в состав нового очеркового цикла - «Письма к другу» (1817). Сама их перепечатка уже свидетельствовала о том, какое значение придавал им писатель.

Проблемно-тематический диапазон всех названных публикаций был достаточно широким. Значительное место в них отводилось вопросам языка («слога») и литературы. Большинство высказываний писателя, затрагивавших последнюю тему, свидетельствовали о том, что он занял близкую, но далеко не тождественную шишковистам позицию. Прежде всего он отмежевался от их консервативной идеологии, связанной с критикой европейского Просвещения, и попытался дифференцировать понятия русского и церковнославянского языков.

Попутно отметим: позиция, занятая Ф. Н. Глинкой в вопросах языка, выразительно корреспондирует с позицией «младших архаистов», к которым Ю. Н. Тынянов относил П. А. Катенина, А. С. Грибоедова, В. К. Кюхельбеккера [11], но отличается страстным патриотизмом и гражданственностью.

Основной пафос глинковских суждений сводился к мысли о необходимости создать национально-самобытную героическую литературу. В ближайшие годы она станет одним из программных требований декабристов. Содержание такой литературы, по мнению писателя, должна составить прежде всего история Отечественной войны 1812 г. Причем не только научная, но и художественная. Ср., его замечание о том, что историк должен быть и «вернейшим живописцем своего времени», а «при описании происшествий надлежит быть и жизнеописанию людей» [12]. [Нельзя не согласиться с В. Г. Базановым, в свое время утверждавшим, что выдвинутое Ф. Н. Глинкой требование создать патриотическую историю Отечественной войны, легко распространяется на всю совокупность литературы и публицистики [13]. В нее также должны

войти произведения, подобные роману Ж. Ж. Бартеlemi «Путешествие юного Анахарсиса в Грецию» (1788, русский перевод 1803–1819). Во второй части «Писем к другу», озаглавленной Ф. Н. Глинкой как «Дневные записки русского офицера». Ф. Н. Глинка называет такие произведения «историческим путешествием» и намечает их важнейшие темы: «Пусть кто-нибудь представит нам русского Анахарсиса, путешествующего из края в край еще неразделенной России; пусть нарисует нам полную картину обрядов языческого богослужения и подле нее выставит другую: картину священную и величественную водворения веры христианской ... Пусть покажет нам Россию разделенную, поведет читателя из одного княжества в другое ... Пусть наш Анахарсис сопутствует Игорю, в благородном, отважном, но мало обдуманном предприятии его... Захочет ли русский Бартеlemi избрать... времена позднейшие?... Поля задонские и стены казанские громко беседуют с бессмертием о славе россиян» [14].

Попутно отметим: практическим воплощением этой идеи об «историческом путешествии» для самого писателя станет его незавершенный роман «Зиновий Богдан Хмельницкий, или Освобожденная Малороссия» (1817–1819).

В этой связи важно обратить внимание и на такое. Подобно всем «архаистам» (и «старшим» и «младшим»), Ф. Н. Глинка обнаруживает свою приверженность большим художественным формам. Но, в отличие от них, он причисляет к этим формам и прозу, в системе ломоносовско-шишковской теории о штилях всегда считавшейся жанром «низким».

Что же касается вопросов языка, то автору «Писем русского офицера», как и А. С. Шишкову, импонировала идея «высокого слога», о чем уже шла речь выше. По его мнению, патриотические темы, намеченные им в «историческом путешествии» или связанные с подробностями войны 1812 года, требовали, по его мнению, особого языкового воплощения. Поэтому «слог» таких сочинений должен быть «исполнен важности, силы и ясности» [15].

Однако, если А. С. Шишков источником такого слога называл церковнославянский язык и церковные книги, то Ф. Н. Глинка ориентировался на язык фольклора и древних памятников литературы — грамот, летописей, хроник, синопсисов [16], в то время как глава «Беседы» считал этот язык пригодным только для «низких» жанров [17]. Показательно, что, обосновывая свой взгляд на проблемы «слога», Ф. Н. Глинка не исключал и других источников, в частности, сочинений античных авторов (Фукидида, Тацита) с их богатой лексикой и развитым синтаксисом. Но при этом все же «не

должно упускать из виду и древнего славянина Нестора, рукой которого водила сама истина» [18].

Ф. Н. Глинка не отрицал близости русского и церковнославянского языков. Но, в отличие от А. С. Шишкова, далек был от их отождествления. Обращает внимание, что в своих высказываниях он язык церковных книг всегда называет языком славянским, а язык летописей – русским.

Писатель безошибочно чувствовал зависимость языка от эпохи. В этом плане примечательны его суждения о грамоте начала XIII века смоленского князя Мстислава Давидовича, с которой писатель познакомился летом 1815 года, находясь в Риге: «Буквы в ней, замечает он, – кроме некоторых — славянские прямого почерка, а язык чистый, русский, разумеется, того времени ... имеет «всю простоту разговорного» [19].

Причем Ф. Н. Глинка обращает внимание не только на само различие языков. Его занимают также и процессы, связанные с их историческим развитием. Рассматривая в Риге грамоту Мстислава Давидовича, он делает интересные наблюдения, касающиеся падения дифтонгов и путей формирования диалектов: «Перед литерою У, – пишет он, – везде поставлена буква О, например: роука, зоуб. Мы в выбросили О и говорим: рука, зуб; а коренные жители Курляндии выпустили букву У и говорят: рока (рука), зоб (зуб)» [20].

Важно, что писатель тонко чувствует и функциональное различие языков. Религиозные обычаи и обряды требуют одного языка, подробности бытовой и военной жизни – другого. Поэтому русский Анахарсис в своем «историческом путешествии», переходя от описания «обрядов языческого богослужения» и «величественной картины водворения веры христианской» к описанию «почетного пира князя Владимира», «светлых-gridней княжеских», «вещих боянов», «могучих богатырей», «храбрых витязей», «всей поляницы удалой, черпающей из корчаг и забавляющейся старинными потехами русскими», должен «переменить слог» [21]. А современный автор, работая над историей Отечественной войны 1812 года, позаботится о том, чтобы его герои «в общей беседе» разговаривали между собой «языком, обстоятельствам и времени приличным» [22].

В этой связи, очевидно, уместно отметить также и следующее. Интерес Ф. Н. Глинки к вопросам древнего и нового языка, к славянским древностям возникает, несомненно, под влиянием споров между шишковистами и карамзинистами. Но он сохраняется и долго после того, как сами споры были уже исчерпаны. Думается,

не без инициативы Ф. Глинки в 1822 г., когда писатель возглавлял Вольное общество любителей русской словесности, А. А. Бестужев, являясь членом этого общества, в связи с новыми декларациями А. С. Шишкова и П. А. Катенина, выступил с серией полемических заметок о языке. Во всяком случае за его отдельными суждениями легко угадывается позиция автора «Писем русского офицера».

Как и Ф. Н. Глинка, А. А. Бестужев, в частности, считая, что своеобразие языка, определяется исторической эпохой, ссылается на «писанную по-русски» грамоту смоленского князя Мстислава Давидовича [23], ту самую, которая в Риге привлекла внимание и автора «Писем русского офицера». Как и Ф. Н. Глинка, он не отрицает близость церковнославянского и русского языков. Но при этом убежден, что в современной литературе первым можно пользоваться только избирательно: «употребляем звучные слова: «вертоград», «ланиты», «десница», но оставляем червям старины: «семо» и «овамо», «говяда» и тому подобное» [24].

Вопросами языка и славянских древностей Ф.Н.Глинка продолжал интересоваться и в последующие годы. В этом плане показательным его письмо из Олонецкой ссылки к Н. И. Гнедичу от 22.XI.1826 года: «Витая в сих странах древней Заонежской пятины, я нашел и приобрел уже несколько весьма любопытных книг старопечатных и письменных. Например, я имею славянскую грамматику, печатанную еще при патриархе Иосифе ... Тут славянский язык раскрывается во всей полноте. Есть также у меня (в манускрипте), кажется нигде не печатанная славянская риторика, полная и по многому любопытная ...» [25].

Между тем, известно, что полемика шишковистов и карамзинистов имела и еще один аспект. Он был связан с иноязычными словами и заимствованиями. Здесь, как и в вопросах «слога», Ф. Н. Глинка опять-таки занял свою вполне самостоятельную позицию. С ее обоснованием он выступил в статье «Письмо к генералу Н. Н. о переводе воинских выражений на русский язык».

Подобно «старшим архаистам», писатель не разделяя увлечения многих сторонников Н. М. Карамзина иноязычными заимствованиями. Кадровый офицер, он особенно болезненно реагировал на злоупотребления иностранными словами в области военного дела и военной истории. Ср., например, его замечание: «... где во вселенной не говорят теперь о России? И где говорят языком ее? ... Уже нет врагов на русской земле! ... мы свободны, мы русские, а говорим не по-русски!.. Начнем писать – и описания

единственных в бытиях мира подвигов пестрим, засоряем словами, вовсе для русских непонятными» [26].

Однако тактика, избранная шишковистами для борьбы с иноязычными заимствованиями (путем новообразований от русских корней, вроде нелепых «мокроступов», «позорища», «печальновоища», или «краснослова»), оказалась для него неприемлемой.

Совершенно очевидными для Ф. Н. Глинки были две истины. Во-первых: русские имеют свою многовековую и героическую историю. Ее зафиксировали древние летописи. В них-то и нужно искать слова, адекватные иноязычным терминам [27]. И, во-вторых: военное искусство своими истоками уходит в глубокую древность. Воинское построение, названное по-французски «колонной», известно было еще спартамцам. «Следственно, – настаивает он, – с переходом в Россию должно быть оно названо по-русски» [28]. Обосновывая свою точку зрения, писатель ссылается на тот факт, что еще недавно русские пользовались такими словами как: «триангул», «сиркоференция», «стратагема», под. Но сегодня для них найдены вполне русские аналоги: «треугольник», «окружность», «военная хитрость».

Нетрудно убедиться, что в этом плане позиция Ф. Н. Глинки мало чем отличается от позиции Н. М. Карамзина, который еще в 1802 году с сожалением писал о главной беде русской интеллигенции: «мы все хотим говорить по-французски и не думаем трудиться над «обработыванием собственного языка» [29]. Отсюда, совсем, наверное, не случайно Ф. Н. Глинка за воплощение шишковистской идеи о чистоте и самобытности русского языка борется, прибегая к излюбленному приему карамзинистов – пародии.

Доказывая возможность и необходимость отечественной военной терминологии, писатель в статье «Письмо к генералу Н. Н. ...» реконструирует события Куликовской битвы в двух стилистических редакциях. Одна – с использованием иноязычной лексики и явно пародийная. Другая – максимально ориентированная на лексические ресурсы русского языка. В сопоставлении с первой она наглядно убеждает в необязательности некоторых заимствований. Ср.: «В шесть часов пополудни неприятель (т. е. Татары. – Н. Ж.) учинил форсированную рекогносцировку на аванпосты россиян. Разъезжавшие впереди обсервационные деташаменты, также патрули, ведеты и пикеты русские, не рискуя выжидать сильнейшего шока неприятеля, в тот же момент свернулись в колонны и, ведая опасность эксантрической ретирады,

маневрируя с большим искусством, под стрелами тиральеров, ретировались (в ордер баталии ан эшекье) к стороне Дона» [30].

Другой вариант: «В шесть часов пополудни неприятель в превосходных силах напал на передовые караулы россиян. Разъезжавшие для наблюдения отряды, сторожевые цепи и прочие, находящиеся впереди небольшие отделения войск русских, не ожидая сильнейшего натиску, сомкнулись в общий строй и, употребляя разные воинские обороты, уклонились к Дону, близ которого все российские ополчения, на выгоднейших местах, расположены были» [31].

Суммируя все выше изложенное, можно заключить следующее. Ф. Н. Глинка внимательно следил за полемикой шишковистов и карамзинистов и искал в ней свою позицию. Он не разделял крайней спорящих сторон, но пытался привлечь внимание современников к наиболее конструктивным, как ему казалось, идеям полемистов. Самостоятельный взгляд и вдумчивая оценка кардинальных проблем литературной жизни тех лет помогли ему преодолеть односторонность тех эстетических направлений, в русле которых складывалось его раннее творчество, и выработать свой стиль. В литературной ситуации новой эпохи (40–70-е гг. XIX в.) его поэтика окажется сходной с поэтикой С. П. Шевырева, Ф. И. Тютчева, П. А. Вяземского – крупнейших русских романтиков середины XIX века.

Источники и литература:

1. См.: **Тынянов Ю. Н.** Архаисты и новаторы. – Л., 1929; **Десницкий В. А.** Из истории литературных обществ начала XIX века // **Десницкий В. А.** Избранные статьи по русской литературе XVIII–XIX вв. – М.-Л., 1958; **Купреянова Е. Н.** Основные направления и течения русской литературно-общественной мысли первой четверти XIX века // История русской литературы. В 4 т. – Т. 2. – Л., 1981; **Альтшулер М. Г.** «Беседа любителей русского слова» Ann Arbor, 1984; Арзамас: Сб. в 2-х т. – Кн. 1–2. – М., 1994.
2. История русской литературы. В 4-х т. – Т. 2. – Л., 1981. – С. 20–25.
3. **Тынянов Ю. Н.** Архаисты и Пушкин // **Тынянов Ю. Н.** Пушкин и его современники. – М., 1968. – С. 25, 33.
4. **Глинка Ф.** Сочинения. – М., 1986. – С. 43.
5. **Глинка Ф. Н.** Письма к другу. – М., 1990. – С. 26.
6. **Архипова А. В.** Литературное дело декабристов. – Л., 1987. – С. 34, 83.
7. **Глинка Ф. Н.** Письма русского офицера. Зиновий Богдан-Хмельницкий. – К., 1991. – С. 124.
8. Там же. – С. 341, 401.
9. **Глинка Ф. Н.** Письма к другу. – С. 474, 491, 493, 498.

10. Там же. – С. 473.
11. **Тынянов Ю. Н.** Архаисты и Пушкин. – С. 35.
12. **Глинка Ф. Н.** Письма к другу. – С. 158.
13. **Базанов В. Г.** Очерки декабристской литературы. Публицистика. Проза. Критика. – М., 1953. – С. 110.
14. **Глинка Ф. Н.** Письма к другу. – С. 224, 225.
15. Там же. – С. 165.
16. Там же. – С. 166, 169.
17. **Тынянов Ю. Н.** Архаисты и Пушкин. – С. 28, 29.
18. **Глинка Ф. Н.** Письма к другу. – С. 165.
19. Там же. – С. 220.
20. Там же. – С. 221.
21. Там же. – С. 224.
22. Там же. – С. 165.
23. Соревнователь просвещения и благотворения. – 1821. – Ч. XIV. – С. 17–18.
24. Сын Отечества. – 1822. – Ч. 77. – № 18. – С. 158.
25. **Глинка Ф. Н.** Письма к другу. – С. 472–473.
26. Там же. – С. 168.
27. Там же. – С. 169.
28. Там же. – С. 175.
29. **Карамзин М. Н.** Сочинения. – Т. 7. – СПб., 1834. – С. 122.
30. **Глинка Ф. Н.** Письма к другу. – С. 170.
31. Там же. – С. 171.